

Отношение к девочкам в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в.*

А. В. Белова

Статья посвящена отношению взрослых к девочкам в семьях российских дворян в XVIII – середине XIX в. как одной из значимых проблем в современной историографии истории повседневности. На основе исследования неопубликованных архивных документов из личных фондов дворянских родов и опубликованных автодокументальных свидетельств анализируются соотнесенные с этапами жизненного цикла основные проявления эмоциональных реакций и предпочтений, связанных с рождением девочек, родительским уходом за ними, учетом их интересов и потребностей в период детства. В статье исследуется сопряженность устойчивых коллективных представлений и отдельных индивидуальных интенций, выясняются факторы, влияющие на их трансформацию на протяжении изучаемого периода. Особое внимание уделяется проблемам последующей саморефлексии в отношении собственного детства и родительских установок, зафиксированных в эго-документах, проявлениям осознанного отношения к воспитанию. В заключение делается вывод о том, что отношение к девочкам в дворянских семьях было дифференцированным и противоречивым, могло зависеть как от индивидуальных пристрастий взрослых, так и от устоявшегося властного порядка в семейной иерархии.

Ключевые слова: историческая этнология, детство, семья, российские дворянки, дворянские девочки.

Для цитирования: Белова А. В. Отношение к девочкам в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в. // История повседневности. – 2023. – № 1. – С. 54–77. DOI 10.35231/25422375_2023_1_54

* Поддержано программой НИР ИЭА РАН «Гендерные исследования: социально-исторические и культурно-антропологические перспективы».
© Белова А. В., 2023

Введение

В зрелом и преклонном возрасте многие российские дворянки обращались в мемуарах к событиям и эмоциям собственного детства. Некоторые из них выбирали в качестве осознанно «последних воспоминаний» запись детских впечатлений. Детство, как этап жизненного цикла, подлежало припоминанию, описанию, мысленному «проживанию». Письменный «рассказ» о детстве становился основой нарративной идентичности, своего рода приемлемой «перепрошивкой» автобиографической истории.

Предстоит понять, означает ли сам по себе факт частого обращения к детским воспоминаниям то, что начальный период жизни считался счастливым в их собственном понимании и с точки зрения стороннего наблюдателя? Существует вероятность того, что субъективное восприятие детства как «счастливого» складывалось на контрасте с последующей половозрелой жизнью, ассоциировавшейся прежде всего с «несчастливым» замужеством. Не все авторы мемуарных текстов сумели принять собственный «неудачный», а местами и травматичный жизненный опыт, предав его публичной огласке. Отношение дворянок к детству и к применявшимся в нем воспитательным стратегиям становилось своего рода способом самореабилитации с учетом изменившихся с возрастом ценностных установок.

Методология исследования связана с подходами истории повседневности как «пережитой», иначе называемой историей «изнутри», основанной на анализе «субъективных источников» (мемуаров, писем, дневников). Эти виды источников запечатлели образ детства, отразившийся в глазах самих переживавших его женщин. При этом собственный «образ детства» разительно отличался как от идеализации педагогических трактатов «века Просвещения», так и от принятого в дворянском обществе канона «благородного» воспитания.

Междисциплинарное изучение истории семьи проявилось как научная тема в *этнологии* и *социальной антропологии*, рассматривающих исторически сложившиеся системы родства, родственные отношения и типы семейной организации. В *исторической демографии* обозначилось посредством выявления динамики критериев рождаемости и смертности, брач-

ности и разводимости, детности и т. д. *Экономическая история* уделила внимание производительному потенциалу домохозяйств, ресурсам и перераспределению семейной собственности, отношениям производства и потребления, структуре хозяйственных связей семьи. В *социальной истории* семья анализировалась одновременно в рамках и социальной страты, и более крупной социальной общности, как агент социализации и в контексте внутрисемейных взаимоотношений.

Новый импульс в исследованиях истории семьи придан субдисциплинами, выделившимися из «новой социальной истории», такими как «*новая демографическая история*» [1], изучающая «влияние представлений (бытующих, господствующих и рождающихся под тем или иным идеологическим воздействием, в том числе религиозным) на демографические процессы» [2, с. 55], и «*история частной жизни*», анализирующая «ту сферу жизни и быта людей, которая зависит от индивидуальных, частных решений» (применительно к семье – «эмоциональные отношения.., связанные со включенностью в свою органическую группу (семью, род)») и «охватывает многие (если не все!) стороны внутренней жизни индивидов», соотношение в их поступках и в личностных оценках «некоторых общих ментальных доминант» и «индивидуальных интенций» [3, с. 98–99].

Меньшее внимание, по сравнению с родственными, хозяйственными, социальными, эмоциональными отношениями, уделялось *властным отношениям в семье*. Ими закладывались основы стратификации и иерархизации общества по признаку пола. Недостаточно изучены *конкретные властные практики*, реализовывавшие доминирование и подчинение внутри семьи. Редким исключением стало исследование А. В. Бекасовой, посвященное властным взаимоотношениям внутри семейно-родственного сообщества, составлявшего ближайшее окружение фельдмаршала графа П. А. Румянцева, на основе частной переписки 1762–1796 гг., в том числе анализ подчиненного положения сыновей в системе семейной иерархии¹.

Историографическая ситуация последней трети XX в. отмечена множественностью интерпретаций истории, плю-

¹ См.: Бекасова А. В. Семья, родство и покровительство в России XVIII в.: «домовое подданство» графа П. А. Румянцева: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 306 с.

ральностью направлений и дискурсов [4–5]. Почти одновременно в конце 60-х гг. XX в. зародились и прошли схожий путь от маргинализации к академическому признанию новые дисциплины: история повседневности [6–9] и история женщин [10]. В 1980-е гг. они дополнились гендерной историей [11]. Предмет *истории повседневности* составили субъективные опыты и переживания конкретных людей [12–15]. Изначально исследовательская сверхзадача сводилась к тому, чтобы «озвучить», в том числе используя потенциал *oral history*, тех, кто, в отличие от представителей элит общества, не оставил письменных свидетельств о собственном прошлом. По мере развития данного направления стало ясно, что исследованию подлежат так называемые «обычные люди» не только из нижних слоев [7, с. 400]. По мнению американского историографа Дж. Иггерса, изучавшего историю повседневности в интернациональном контексте, речь идет о том (если следовать М. Фуко), как отношения господства (власти) сказываются на отношениях между людьми [5, с. 82].

Взаимовлияние истории повседневности и *истории женщин* акцентировалось в трудах историков и этнографов, в частности представительниц немецкой и английской историографий, таких, например, как К. Липп [16] и А. Дэвин [17]. Также оно проявлялось как стремление «сделать видимыми» [18] женщин, вывести из-под окутывавшего их «покрова молчания» (термин М. Перро) [19, с. 45]. *Гендерная история* развила методологические подходы, коренившиеся в истории женщин, исходя из представлений о «мужском» и «женском» как социальном конструкте. В этой дисциплине педалируется, по утверждению Н. Л. Пушкаревой, «постоянное наличие властной компоненты в отношениях между полами» [20, с. 17], анализируются «системы доминирования одних над другими» [20, с. 18] в разных сферах жизнедеятельности, ставится акцент на «изучении иерархий – как в обществе, так и внутри каждого из полов» [11, с. 29].

Дворянские семьи в России в XVIII – середине XIX в. представляли собой преимущественно традиционные социальные структуры, разновозрастные и статусно дифференцированные группы, основанные на внутренней иерархии и функциональной обусловленности поколений, на разграни-

чении гендерных и символических ролей в каждой возрастной категории. Субординированность по половому признаку и по возрасту была негласной нормой организации семейной сферы жизни. Отношения властного доминирования определяли как первичную модель социальных отношений, так и устойчивость самой семейной структуры.

Не составляла исключения и повседневная жизнь членов семьи, прежде всего тех, кто находился в позиции депривированных, т. е. лишенных определенных социальных возможностей. К последним относились дети, причем при любой расстановке властных позиций – девочки. Проблематизация истории женского детства в контексте повседневности российского дворянства может приблизить исследователей к детализации характера внутрисемейных отношений. Нуждается в решении вопрос о соотношении повседневных практик дворянской семьи и гендерной системы в России. Последнюю обычно интерпретируют как патриархатную, но вместе с тем с сильной материнской властью [20, с. 22].

Дворянская семья, будучи полем власти (в значении М. Фуко), становилась и полем «принуждения», посредством которого реализовывались властные практики. Применительно к реалиям российской дворянской повседневности проблема насилия в семье вообще не исследовалась в контексте теоретического осмысления, предложенного Т. де Лауретис [21]. Она проблематизирует «насилие» и признает само понятие сравнительно поздним, настаивает на историческом существовании социальных практик насилия. В частности, утверждает, что «жестокое обращение с детьми было "открыто" уже в 1870-е гг., но впоследствии отошло в тень» [21, с. 351]. Это совсем не означает, что оно отсутствовало в более ранний период. Речь идет также о существовании не только прямого насилия, но и латентного, символического.

Цель данной статьи – выявить специфику отношения взрослых к девочкам в семьях российских дворян от европеизации до модернизации в контексте истории повседневности.

Результаты

Изучение отношения взрослых к девочкам в дворянских семьях позволяет судить о том, что воспитательные стратегии,

которые к ним применялись, были довольно жесткими. Чаще всего более требовательную и «корректирующую» власть над ними реализовывали представительницы и представители «младшего» поколения взрослых, т. е. матери, отцы, гувернантки. В противоположность спокойным и позитивным воспринималось влияние «старшего» поколения.

В качестве одной из причин властного прессинга можно рассматривать отношение к рождению девочек в дворянских семьях. Согласно свидетельствам мемуаристок, на протяжении второй половины XVIII – начала XX в. оно могло быть разнообразным, даже диаметрально противоположным: от «восторженно-радостного» [22, с. 340; 23, с. 68] до совсем «нерадостного» [24, с. 35].

Внешние обстоятельства «появления на свет» девочек трактовались окружающими, а затем и описывались ими самими как предзнаменование «ожидавшей участи» [24, с. 35], «будущей судьбы» [25, с. 9]. Рождение мистифицировалось то в виде «зловещих» [24, с. 35], то, наоборот, «хороших» [25, с. 9] предзнаменований. Это отражало своего рода предзаданность жизненного сценария, предполагало пассивное следование иррациональному предопределению, исключало допустимость представления об осознанном изменении женщиной изначального пути в любой момент жизни.

Матери по-разному относились к появлению дочерей. Как правило, это зависело не столько от пола новорожденной, сколько от количества ранее рожденных детей: была ли девочка первым ребенком своей матери, как А. П. Керн [22, с. 340], или девятнадцатым, как Г. И. Ржевская [24, с. 35]. В последнем случае рождение дочери совпало с кончиной мужа и не воспринималось как способное ее компенсировать. В отличие от А. П. Керн, вспоминая, что мать была «восторженно обрадована» [22, с. 340] ее появлением на свет в 1800 г., Г. И. Ржевская, родившаяся сорок одним годом раньше, в 1759 г., будучи старше даже матери Керн, обрисовала иную, мрачную картину [24, с. 35].

Кроме общего числа детей в дворянских семьях на отношение к рождению девочек могли повлиять такие факторы, как наличие наследников мужского пола и имущественная состоятельность родителей. Княгиня Н. Б. Долгорукая, родившаяся

в 1714 г., подчеркивала в «своеручных» записках особенно позитивную реакцию ее родителей именно на рождение девочки [26, с. 42]. Она объясняла это тем, что они «надежду имели, что я им буду утеха при старости» [26, с. 42]. При всей идеализации своей жизни в родительской семье она тем не менее зафиксировала сам факт приемлемости подобных представлений.

Родители новорожденной Натальи состояли во втором браке. При ее рождении уже были зрелого возраста, свидетельствующего о высоких пределах фертильности. Матери, графине А. П. Шереметевой, урожденной Салтыковой, исполнилось сорок четыре года, а отцу, графу Б. П. Шереметеву, – шестьдесят два [27, с. 450]. Они обладали имущественной состоятельностью и социальным влиянием. Наталья не была их первым ребенком, годом раньше у них родился сын Петр [27, с. 450]. Поэтому формально не было причин испытывать недовольство рождением дочери.

Стоит отметить, что князь М. М. Щербатов (1733–1790) в известном произведении «О повреждении нравов в России» без оптимизма оценивал имущественное состояние Шереметевых. Он относил их к тем «домам», которые «если не в разорение... пришли, но по крайней мере чу[в]ствовали немалую нужду» [28, с. 182]. Дворянский моралист не переоценивал благополучие этого знатного рода, в отличие от Н. Б. Долгорукой, которая идеализировала свое пребывание в родительском доме по сравнению с дальнейшей «бедственной» жизнью в браке.

В 1820-е гг. в частных письмах встречались поздравления с рождением девочек. Судя по ним, как у женщин, так и у образованных мужчин отношение к такому событию было дружелюбным и выражало искреннюю радость от прихода нового человека в мир. По прошествии ста лет от первой четверти XVIII в. родившуюся девочку воспринимали не как «утеху при старости», а как «товарища» [29] в жизни. «Утилитарное» восприятие ребенка женского пола сменилось признанием самоценности детской личности. Вместо иерархизированной модели отношений взрослых с девочкой появлялась партнерская. Затронув высшие слои дворянства, эти изменения тем не менее могут рассматриваться как своеобразная тенденция в истории детства.

Некоторые отцы, если речь шла не о первом ребенке, даже отдавали предпочтение дочери перед сыном: «Я желаю дочь – она будет сестрою Павлу Павловичу. Сын же того и гляди – вместо брата, делается ему барином, чего я не хочу» [30]. Интересная деталь подмечена в способах коммуникации детей между собой – ассоциирование девочек с равноправными горизонтальными отношениями, а мальчиков – с иерархическими вертикальными.

В письмах тверских дворянок 1830–1840-х гг., свидетельствующих о тесных родственных связях провинциальных дворянских семей, заметен неподдельный интерес тетушек к рождению племянниц. Там, где представители второго поколения ощущали себя членами прежней родительской семьи, рождение и крещение дочери у одной из сестер воспринималось остальными как значимое событие, присутствовать на чествовании которого считалось необходимым [31, л. 1–1 об.].

Мария Логгиновна Манзей, дворянка Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, поздравляла в одном из писем невестку Софью Сергеевну и брата Николая Логгиновича Манзея «с прибавлением семейства, следственно с прибавлением радостей и утешений» [32, л. 29 об.] по случаю рождения у них внучки. Сестра Вера Логгиновна по тому же поводу поздравляла с «прибавлением семейства» и сообщала о радостном впечатлении, которое известие о рождении девочки произвело на нее и Марию Логгиновну [32, л. 28 об.]. Сама же «виновница» произошедшего, племянница Елена Николаевна Волкова, урожденная Манзей (до 1826 – после 1865) [32, л. 11; 33, л. 44 об.], в письме выражала надежду на «любящие» чувства «добрых Тетенек» к дочери Соне [34, л. 1–1 об.].

Такого рода эпистолярные свидетельства отражали проявившееся в общественном сознании к середине XIX в. осознание ценности детства и особого детского мира. В семейной переписке сестер Манзей отводилось большое место обсуждению тем, связанных с повседневностью детей, особенно девочек – дочерей и племянниц.

В женских автодокументальных источниках XVIII – середины XIX в. не удастся обнаружить прямые указания на то, что рождение девочки было встречено негативно из-за ее принадлежности к женскому полу. Однако в мужских литературных

произведениях, созданных по автобиографическим мотивам, воспроизводился патриархатный дискурс и озвучивалась позиция отца, который «дочерей считал... ни за что» [35, с. 26]. Вместе с тем появление дочери в контексте разных жизненных обстоятельств могло отражать иные мотивы, например несоответствие самого факта рождения девочки внутренним субъективным ожиданиям ее родителей.

Матери и отцы разделяли обусловленные социальными факторами внешние ментальные и социальные установки и в более поздний период. М. П. Бок, урожденная Столыпина, упоминала в мемуарах об одной из родовых традиций, негативно повлиявших на ее вполне толерантных родителей. В семье долгое время сохранялся своеобразный ритуал благословения первого ребенка мужского пола [36, с. 49]. Этот ритуал символизировал легитимизацию каждого поколения дворянского рода. Родители мемуаристки были удручены, что не они были отмечены семейной честью, тем самым невольно сожалея, что их первым ребенком стала девочка.

В генеалогическом и в социокультурном смысле дворянский род воспринимался как последовательная преемственность нисходящих мужских поколений. Наличие исключительно женского потомства означало его угасание, что разрушало родовую организацию дворянства и считалось нежелательным. И в более ранний период, и в конце XIX в. дворяне-мужчины по-разному относились к рождению девочек, их взгляды могли быть диаметрально противоположными. Встречались те, кто считали возможным утверждать, «что от женщин мало толку на свете», а были и такие, которые с радостью произносили: «Слава Богу, одной женщиной на свете стало больше» [36, с. 49].

Положение родительской пары в иерархии большой дворянской семьи определялось половой принадлежностью первого ребенка. Это влекло за собой подчиненность отношения к детям, в частности девочкам, внешним стандартам социально одобряемых стереотипов и ожиданий. Невозможность родителей соответствовать желаемым образцам компенсировалась жесткими воспитательными стратегиями в отношении тех, кто невольно оказался причиной фрустрации.

В течение второй половины XVIII – первой половины XIX в. обнаружилась и позитивная динамика в том, как сами матери

принимали участие в уходе за детьми. В 1820–1840-е гг. забота о детях стала одной из важнейших сфер повседневной деятельности провинциальных дворянок. Матери теперь сами проводили время с детьми [34, л. 10 об. – 11; 37, с. 168], купали их [37, с. 301] и гуляли [31, л. 5 об. – 6; 34, л. 11] с ними.

В одном из писем В. А. Дьякова писала мужу о прогулках по саду с младенцем. Мать либо сама держала ребенка на руках, либо перевозила в специальной детской коляске. Такие аксессуары входили в обиход как в городском, так и в усадебном быту [31, л. 5 об. – 6]. Матери начинают сознавать потребность в приобретении детской коляски, руководствуясь при этом удобством и пользой не для себя, а для ребенка. Прогулки на свежем воздухе становились продолжительными, а режим дня новорожденного – более экологичным.

Не только усадебный быт, но и столичный предполагал интеграцию в него мира детства. В столичных домах дети раннего возраста разделяли пространство с матерью и ее гостями [38, с. 43]. Становится принятым укачивание детей. Если мать отлучалась, этим занимались специальные девушки, в задачи которых входило ухаживать за детьми [38, с. 43]. Однако даже будучи вверенными таким девушкам, девочки оставались под бдительным материнским контролем [37, с. 300].

В первой половине XIX в. нередко встречались в письмах слова и пожелания в адрес детей, особенно маленьких и младших в семье [33, л. 30 об.; 39, л. 3, 9 об., 107 об.]. Не скрывая эмоционального отношения, и женщины, и мужчины называли их «милыми детками» [39, л. 102 об.], «безценными деточками» [33, л. 28 об., 30], «детушками» [33, л. 28 об., 30 об.], «крошками» [39, л. 19 об., 20], «любезнейшими пташками» [39, л. 60]. В 1830-е гг. в письмах дворянок чаще упоминались дети под уменьшительно-ласкательными именами, такими как Алиша [40, с. 150], Катинька [40, с. 150], Лилинька [32, л. 28 об.]. Матери и бабушки считались с эмоциональным состоянием детей, старались отвлечь их от грустных мыслей в случае переживаний.

«Участие в игре детей» [41, с. 74] теперь ценилось, совместное времяпровождение с ними доставляло удовольствие и взрослым [40, с. 150]. Появлялось такое явление, как совместный досуг взрослых и детей. Этой цели служили обществен-

ные гулянья, которые допускали присутствие детей в публичном, т. е. символически «взрослом», пространстве. Значимыми семейными праздниками становились дни рождения дочерей и племянниц [33, л. 23 об.].

В 1830-е гг. уже ни женщины, ни мужчины не считали недопустимым или ненужным ласкать детей, общаться с ними, следить за особенностями их речи и дикции [42, с. 62]. Еще в конце XVIII в. отцы пеняли матерям за слишком заботливое, с их точки зрения, обращение с детьми [43, л. 4–4 об.]. К 1840-м гг. они не только сменили отношение на уважительное, но и сами все больше включались в вопросы, которые касались детей, их состояния здоровья и ухода за ними [44, л. 23 об.].

Несмотря на происходящие изменения и в середине XIX в. можно было встретить в среднерусском имении дворянина-отца, который, по воспоминанию дочери, «мало обращал на нас внимания, считая воспитание детей женским, а не мужским делом» [45, с. 26]. Мужчины в дворянских семьях часто отсутствовали дома в связи со служебными или хозяйственными разъездами. Однако этих же взглядов придерживались и безвыездно пребывавшие в поместьях, но дистанцировавшиеся от остальных домоладцев за стенами своих «кабинетов» [45, с. 28].

В 1840-х гг. в женских и мужских письмах упоминались заботы матерей по уходу за детьми, которые требовали от них существенной отдачи душевных и физических сил [44, л. 23 об.]. В одном из писем Сергея Ивановича Волкова (1803–...) сообщалось, что он вынужден был из-за обязанностей службы покинуть жену, с которой состоял в браке с 21 апреля 1843 г., на тот момент чуть больше двух лет. Супругу пришлось оставить одну на даче с их маленькой дочерью Софьей, которая родилась 19 января 1844 г. [46, с. 240] и не достигла еще одного года и четырех месяцев [34, л. 2]. В то же время сама Елена Николаевна Волкова писала из Царского Села в вышневолоцкое имение родным о том, как она без посторонней помощи успешно заботится о своей первой, почти полуторагодовалой дочери [34, л. 10 об. – 11].

В первой половине XIX в. матери уделяли особое внимание эмоциональному и физическому развитию детей. В письме 1806 г. дворянки Марьи Ивановны Гусевой к сестре Наталье Ивановне Соймоновой содержались наблюдения за поведени-

ем и речью малолетней дочери, которая была не старше двух лет [39, л. 59]. Софья Сергеевна Манзей, урожденная Яковлева (...– после 1873) [32, л. 13–13 об.], писала невесткам обо всех изменениях самочувствия детей из-за прорезывания зубов [33, л. 25]. Эта информация представляет существенный интерес для женской переписки.

Отмеченные позитивные изменения в отношении взрослых к детям, включая девочек, осознанное повышение ценности детства как такового, формирование специфической сферы детских интересов не компенсировали однако субъективно-негативного «образа детства», который зачастую формировался у самих детей. Свидетельства мемуаристок контрастируют на этот счет с письмами взрослых, а письма самих детей, которых сохранилось немного, можно считать самым безыскусным и неподдельным выражением его восприятия.

Один из примеров детского самоощущения обнаружился в эпистолярном наследии многодетной семьи рязанских дворян Лихаревых. Как и в других дворянских семьях, в ней в середине XIX в. бытовала традиция написания детских писем родителям, которые находились в отъезде. Пятилетняя Вера написала маме, Варваре Александровне Лихаревой, урожденной Астафьевой (1813–1897), самое короткое письмо: «Милая Мама Я жива здорова целую ваши ручки, дочь ваша Вера дурочка» [47, л. 72 об.].

Она писала это вместе со старшими сестрами и братьями, последней на листе, к маме, которая уехала из имения в Рязань по хозяйственным делам. Возникает вопрос: что могло заставить маленькую девочку назвать себя в письме к маме подобным образом. Наверняка, заболевание или отклонение в развитии не позволило бы ей впоследствии выйти замуж и самой родить ребенка. По документам известно, что Вера Александровна, урожденная Лихарева (1854–...), вступила в брак 17 февраля 1891 г. с С. В. Константиновым, а 12 марта 1893 г. родила сына Александра [48, л. 71]. Вряд ли девочка с запаздывающим развитием, если предположить такое, в пять лет умела бы писать прописными буквами.

Так или иначе отношение к младшему ребенку в семье могло ли допускать понимание, что она не такая как все? Хотя сложно это обосновать. Предположим, что она была обычным ребен-

ком. Тогда такое название ей дали в семье старшие дети или взрослые. На формирование самооущения ребенка оценка значимого взрослого оказывает большое влияние, закрепляясь в его эго. Самооценка маленькой девочки в дворянской семье должна была подвергнуться серьезному психологическому испытанию.

Воспитание девочек в дворянских семьях отличала авторитарность, в связи с чем может возникнуть вопрос о праве девочек на «каприз», самовыражение в присутствии взрослых, публичное к себе внимание. Ответ на него предполагает, что не все девочки пользовались равным отношением к себе родителей, поэтому их позволение преступать границы предписываемого поведения распространялось исходя из личных предпочтений одних детей перед другими. В частности, о различном отношении родителей к своим детям [45, с. 12] вспоминала мемуаристка С.В. Ковалевская, урожденная Корвин-Круковская (1850–1891), что оставило отпечаток на образе ее детства.

Среди воспитательных практик особую роль играло ограничение физической активности и подвижности девочек: от тугого пеленания младенцев («мучительного пеленанья») [49, с. 27] до запретов гулять, бегать, прыгать [49], лазить по деревьям [50, с. 17], даже если это вызывало интерес и хорошо у них получалось. На психике юных дворянок болезненно сказывались излишняя строгость [22, с. 342–343; 45, с. 34] взрослых, применение наказаний (от постановки «в угол», иногда «на колени», «засаживания в темную комнату» до битья и драния «за уши до крови») [49, с. 30, 32; 22, с. 350–351; 45, с. 32–35; 50, с. 17; 51, 150–151; 52, с. 424], запугивания [53, с. 384]. Все это приводило к замкнутости, развитию фобий и комплексов [22, с. 343; 45, с. 15; 53, с. 384].

Детство считалось счастливым, если, по словам мемуаристок, их «не наказывали понапрасну» [25, с. 13]. Вместе с тем как раз девочек чаще мальчиков наказывали за активное поведение («резвость») [52, с. 424], что отмечали и мемуаристы-мужчины. При этом нередко девочки становились инициаторами в «чисто детских шалостях» и в совместных детских играх [50, с. 17], вопреки атрибутируемой женскому полу пассивности и попыткам обуздать их активность в процессе воспитания.

Требования к девочкам в дворянских семьях в XVIII – середине XIX в., как правило, были выше, чем к мальчикам. Это наблюдалось со стороны обоих родителей. Тем не менее по прошествии многих лет дворянки идеализировали детство. Некогда травматический опыт трансформировался ими в приемлемый. Мысленное возвращение к началу жизни включало ранние впечатления и опыты, в том числе те, о которых сами мемуаристки не могли помнить. Зная о них по рассказам близких, они тем не менее делали их частью собственной идентичности. Переживания детства, включая печальные, способствовали осознанию целостности и полноты прожитой жизни. Дворянки оценивали их как «счастливые» именно по отношению к себе. С позиции жизненного опыта «взрослой» женщины мемуаристки пытались посмотреть на эмоциональные травмы своего детства «другими» глазами, успешно справиться с ними.

Во второй половине XIX – начале XX в. такие мемуаристки, как А. П. Керн, А. В. Щепкина, А. Г. Достоевская, С. В. Ковалевская, пытались осмыслить сами методы родительского воспитания, признавая их негативными. Та же тема звучала и в женской публицистике в 1870–1880-х гг. [54; 55, с. 23–40, 41–67, 68–83]. Вспоминая собственное детство в первой трети – середине XIX в., мемуаристки не просто выражали сожаления о печальных детских опытах, а пытались оценить педагогические стратегии и отношение к себе взрослых. Они как бы исходили из распространившегося позднее «помогающего, или *эмпатического* стиля воспитания детей».

Этот стиль признает за самим ребенком лучшее знание своих потребностей, понимание со стороны родителей вместо повелительности и создание ими благоприятных условий для его эмоционального развития. Л. Демоз усматривал зарождение *эмпатического* стиля воспитания только в середине XX в. [14, с. 4–5]. Однако в позициях мемуаристок-дворянок, усвоивших плоды «свобод» буржуазных реформ 1860–1870-х гг., звучали педагогические рассуждения, в известном смысле опережавшие свое время, а в ряде случаев не утратившие актуальности до сих пор.

А. П. Керн, одна из немногих во второй половине XVIII–XIX вв., посвятила детству отдельное произведение. В 1870 г. она, ровесница XIX в., написала последние из своих воспоминаний, в чем

отдавала себе полный отчет. Ею был выбран характерный эпиграф – цитата из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: «Еще одно, последнее сказанье – и летопись окончена моя». А в заключении к мемуарам она была в этом убеждена: «...а потому я этим и кончу свое последнее сказание...» [56, с. 126].

Как сообщал опубликовавший эти воспоминания А. М. Гордин, сохранившаяся их рукопись не была озаглавлена автором [56, с. 441]. Однако во второй публикации в 1884 г. в журнале «Русский архив» появилось подходящее название «Из воспоминаний о моем детстве» [56, с. 441]. В них женщина в преклонном возрасте обращалась к событиям и эмоциям своего детства, выбирала запись детских впечатлений в качестве осознанно последних своих воспоминаний. В преддверии окончания жизненного пути детство оказывалось тем его периодом, о котором сама мемуаристка хотела вспомнить и написать.

Это не только указывает на значимость детства как «возраста жизни», но и подчеркивает его важность в конструировании нарративной идентичности. В сознании А. П. Керн «счастливое детство» [56, с. 117] противопоставлялось «несчастливому» супружеству. Вспоминать и писать о нем в конце жизни ей, напротив, не хотелось [56, с. 126].

А. П. Керн рассуждала о важности начального этапа жизни [22, с. 338]. Но необходимость защищать подобные суждения означала, что и в 1870 г. идея не стала общественным трюизмом. Представления о несущественности детства не были преодолены в общественном сознании [14, с. 2–3]. Мемуаристка ссыалась на персональный жизненный опыт эмоционального «обращения» к собственному детству.

Современные психологи придают огромное значение внутреннему диалогу со своим детским «я» [57]. А. П. Керн прямо утверждает, что в детстве определяется моральный облик индивида [22, с. 338]. Заключительное замечание преамбулы свидетельствует о том, что даже в последней трети XIX в. все еще не сложился «помогающий стиль воспитания детей» [22, с. 338–339].

А. П. Керн позволяла себе быть назидательной с высоты прожитых лет. Она пережила свой собственный опыт детства под диктатом отца, поэтому имела основания негативно оценивать феномен родительской власти, которая в ее пони-

мании «далеко не благотворна в большинстве случаев» [22, с. 351]. В данном случае Керн не проводила различия между влиянием на дочь отца или матери. Нередко матери вымещали собственную несостоятельность именно на дочерях.

С. В. Ковалевская запомнила из детства как недостаток материнской любви, так и отцовское невнимание. В ее автобиографической памяти властные усилия гувернантки компенсировались заботой и любовью няни. Она характеризовала педагогические представления отца и как патриархатные, и как вынужденные, обусловленные нерелефлексивными социальными установками [45, с. 34].

Обсуждение и выводы

Резюмируя проблему отношения к девочкам в дворянских семьях, стоит признать различия и противоречия факторов, которыми оно определялось. Среди них и индивидуальные пристрастия взрослых, и устоявшийся властный порядок в семье, и выраженное доминирование мужа и отца. Овдовевшие матери мемуаристок (Г. И. Ржевской, А. Е. Лабзиной и др.) не становились подругами своих дочерей, лучше других знавшими несправедливости социального существования женщин. Они, напротив, могли еще больше усиливать властный нажим на дочерей, ощутив себя избавленными от диктата своих мужей.

Если сын ассоциировался с фрустрированными «мечтами» матери, воплощая собой умозрительный образ «идеального мужчины», не встреченного ею в жизни, то дочь олицетворяла неудачу «женской судьбы», несбывшиеся желания, не принесшую личного счастья связь с мужем, а главное, чувство безысходности от предчувствия вечного повторения одного и того же жизненного сценария. Досадуя на невозможность изменить к лучшему свою жизнь, мать вымещала на дочь свои разочарования. Дочерью ее отношение могло восприниматься как нелюбовь к себе.

Материнство носило функциональный, вынужденный характер. Определенный парадокс усматривается в том, что женщинам предопределяли «репродуктивную» судьбу, но при этом материнство не становилось для них осознанным личностным проектом. Дочери, не продолжавшие генеалогически дворянский род, не воспринимались как персональный ресурс.

Среди типов семейного воспитания девочек стоит выделить *игнорирующий* (ребенок по разным причинам оказывался оставленным и матерью, и отцом), *материнский*, или *квазиматеринский* (отец мог быть индифферентен к воспитанию девочки, либо не индифферентен, но репрессивен, либо взгляды матери и отца на эмоциональные реакции ребенка и обращение с ним сильно расходились), *отцовский*, или «*новое отцовство*» (влияние отца на воспитание дочери воспринималось ею как существенное) и *партнерский* (мать и отец стремились принять обоюдное участие в воспитании дочерей). Первые два типа преобладали по сравнению с остальными.

Если, опережая время, отец принимал непосредственное участие в интересах и жизни дочери, то ее воспитание приобретало гармоничный и сбалансированный характер. «Новыми отцами» провоцировалась в дочерях активная жизненная позиция. Они помогали им обрести целеустремленность, развить в себе продуктивные навыки и качества, ориентироваться на ведение деятельного образа жизни.

Прообразы «нового отцовства», происходящие из конца XVIII в. (отец мемуаристки Н. А. Дуровой), пополнятся во второй половине XIX в. поколениями отцов, которые будут людьми широких взглядов, а потому не только не разделяющими традиционных представлений о предназначении женщины (отец мемуаристки М. П. Бок) [36, с. 30], но и не считавшими ее пассивной жертвой неудачного брака [58, с. 33] и даже способствовавшими возникновению в России высшего женского образования (отец мемуаристки М. А. Бекетовой) [59, с. 368–369].

Развитие заложенных в девочках способностей и дарований, предоставление возможностей раскрыть их самим, вопреки общественным ожиданиям от женщин по реализации «чужих» жизненных сценариев, становилось основным направлением с точками роста в виде передовых способов воспитания женской личности. В отличие от них традиционные репрессивные воспитательные стратегии конструировали нормативную гендерную идентичность дворянок. Они включали в себя всевозможные телесные, поведенческие и нравственные «переделки», «корректировки», социокультурное моделирование. В дворянском социуме формировались представления о востребованности единственного «предназначе-

ния» женщины и необходимости воспроизводства обусловленного им гендерного контракта.

Список литературы

1. Бессмертный Ю. Л. Новая демографическая история // *Одиссей. Человек в истории*. 1994: Картина мира в народном и ученом сознании. – М.: Наука, 1994. – С. 239–256.
2. Пушкарева Н. Л. Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода // *Этнографическое обозрение*. – 1995. – № 3. – С. 55–70.
3. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий // *Социальная история. Ежегодник, 2004*. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – С. 93–112.
4. *Geschichtswissenschaften: Eine Einführung* / Hrsg. von Ch. Cornelißen. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2000. 320 s.
5. Iggers, G. G. *Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang*. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1996. 140 s.
6. *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. – Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. 360 s.
7. Borscheid P. *Alltagsgeschichte – Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit?* // *Über das Studium der Geschichte* / Hrsg. von W. Hardtwig. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1990. – S. 389–407.
8. *Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags* / Hrsg. von H.Ch. Ehalt. – Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1984. 384 s.
9. *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion* / Hrsg. von W. Schulze. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. 84 s.
10. Corbin A., Farge A., Perrot M. u.a. *Geschlecht und Geschichte: Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich?* / Hrsg. von M. Perrot. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1989. 256 s.
11. Пушкарева Н. Л. Женская история, гендерная история: сходства, отличия, перспективы // *Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история* / под ред. Н. Л. Пушкаревой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – С. 9–44.
12. Белова А. В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. – 2007. – № 2. – С. 5–14.
13. Белова А. В. Женская повседневность как предмет этнологического изучения // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов / отв. ред. Ю. К. Чистов. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 284–285.
14. Белова А. В. «Мир женского детства» в дворянской России XVIII – середины XIX в. как методологическая проблема истории повседневности // *Женщина в российском обществе*. – 2005. – № 3/4. – С. 28–38.
15. Белова А. В. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века как проблема исследования // *Женщина в российском обществе*. – 2004. – № 1/2. – С. 72–82.
16. Lipp C. *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. – Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. – S. 78–93.
17. Davin A. *Frauen und Alltagsgeschichte // Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red. H. Diekwisch et al. – Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. – S. 37–58.

18. *Becoming Visible: Women in European History* / Eds. R. Bridenthal, C. Koonz. – Boston: Houghton Mifflin edition, 1977. 592 p.
19. Перро М. История под знаком гендера // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / под ред. Н. Л. Пушкиревой. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – С. 45–54.
20. Крипс Г., Кон И. С., Пушкирева Н. Л., Жеребкина И. А., Темкина А. А. Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР: обсуждение темы «Трансформирующая академия» // Гендерные исследования. – 2000. – № 5. – С. 8–43.
21. Лауретис Т. де. Риторика насилия. Рассмотрение репрезентации и гендера // Антология гендерной теории: сб. пер. / сост. и коммент. Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. – Мн.: ПРОПИЛЕИ, 2000. – С. 347–372.
22. Керн А. П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 338–372.
23. Смирная Е.-А. В. Данила Яковлевич Земской. Один из пленцов Петра Великого / Сообщ. П. В. Лобанов // Русская старина. – 1883. – Т. 40. – № 10. – С. 67–78.
24. Ржевская Г. И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В. М. Воковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. статья А. Ф. Белоусова. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 33–66.
25. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 400 с.
26. Долгорукова Н. Б. Своеручные записки // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., автор вступ. ст. и коммент. Г. Н. Моисеева. – М.: Современник, 1990. – С. 41–66.
27. Моисеева Г. Н. Комментарий // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., автор вступ. ст. и коммент. Г. Н. Моисеева. – М.: Современник, 1990. – С. 450–454.
28. «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.): сб. ст. / под ред. Н. Л. Пушкиревой. М.: Ладомир, 1999. 861 с.
29. Письмо В. А. Жуковского к А. П. Зонтаг от 5 марта 1824 г. // Правительственный Вестник. – 1904. Отдельный отиск из № 100: Грот К. В. А. Жуковский и А. П. Зонтаг. (К союкалетию со дня смерти А. П. Зонтаг 19-го марта 1864 года). – № 8. – С. 12.
30. Письмо П. В. Нащокина к А. С. Пушкину от конца апреля 1834 г. // Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники: в 2 т. / сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина. – М.: Правда, 1986. – Т. II. – С. 347.
31. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1407. Оп. 1. Д. 44.
32. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1016. Оп. 1. Д. 39.
33. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45.
34. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1016. Оп. 1. Д. 93.
35. Аксаков С. Т. Семейная хроника // Аксаков С.Т. Семейная хроника; Детские годы Багрова-внука / предисл. и примеч. С. Машинского. – М.: Худож. лит., 1982. – С. 24–222.
36. Бок М. П. П. А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. – М.: Современник, 1992. – С. 3–220.
37. Керн А. П. Дневник для отдохновения / пер. с фр. А. Л. Андрес // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 167–337.
38. Вульф А. Н. Дневник 1827–1842 годов // Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. Дневник 1827–1842 годов / сост. Е. Н. Строганова, М. В. Строганов. – Тверь: Издательский Дом «Вся Тверь», 1999. – С. 19–235.
39. Отдел хранения документов до 1917 года Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Центральный государственный архив города Москвы» (ОХД до 1917 г. ЦГА Москвы). Ф. 1870. Оп. 1. Д. 3.
40. Письмо Н. О. Пушкиной к О. С. Павлицевой от 8 мая 1833 г. // «Мир Пушкина». Т. 1: Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой 1828–1835 / пер., подгот. текста, предисл. и коммент. Л. Слонимской. – СПб.: Издательство «Пушкинский фонд», 1993. – № 55. – С. 150–152.

41. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания // Панаева А. Я. (Головачева) Воспоминания / под общ. ред.: В. В. Григоренко, С. А. Макашина, С. И. Машинского, В. Н. Орлова; вступ. ст. К. Чуковского; прим. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. – М.: Худ. лит., 1972. – С. 19–388.
42. Керн А. П. Воспоминания о Пушкине // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 33–62.
43. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 2619.
44. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1403. Оп. 1. Д. 9.
45. Ковалевская С. В. Воспоминания детства // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести / отв. ред. П. Я. Кочина. – М.: Наука, 1974. – С. 9–89.
46. История родов русского дворянства: в 2 кн. / сост. П. Н. Петров. М.: Современник: Лексика, 1991. Кн. 2. 319 с.
47. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137.
48. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1063. Оп. 1. Д. 32.
49. Дурова Н. А. Кавалерист-девица. Происшествие в России // Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / сост., вступ. ст. и примеч. В. Б. Муравьева. – М.: Моск. рабочий, 1988. – С. 25–255.
50. Лабзина А. Е. Воспоминания. Описание жизни одной благородной женщины // История жизни благородной женщины / сост., вступ. ст., примеч. В. М. Воковой. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – С. 13–88.
51. Письмо А. П. Керн к П. В. Анненкову от апреля – мая 1859 г. // Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания о Пушкине / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. – М.: Сов. Россия, 1987. – С. 146–156.
52. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Детство и юность // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856) / сост., вступ. ст., биогр. очерки и примеч. И. И. Подольской. – М.: Правда, 1990. – С. 411–513.
53. Щепкина А. В. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856) / сост., вступ. ст., биогр. очерки и прим. И. И. Подольской. – М.: Правда, 1990. – С. 383–395.
54. Цебрикова М. К. Русские женщины-писательницы / Публикация Е. Строгановой // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. – Тверь: Лилия Принт, 2006. – С. 261–307.
55. Свешникова Е. П. О детях и взрослых: Статьи. Рассказы. Библиография / науч. ред. Е. Н. Строганова; изд. подгот. Е. Н. Строгановой, Т. А. Ильиной, Н. В. Острейковской. – Тверь: Лилия Принт, 2007. 268 с.
56. Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка / сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. – М.: Правда, 1989. 480 с.
57. Найти ребенка внутри себя // Psychologies. – 2006. – № 11. – С. 118–144.
58. Бекетова М. А. Александр Блок. Биографический очерк // Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке / сост. В. П. Енишерлова и С. С. Лесневского; вступ. ст. С. С. Лесневского; Послел. А. В. Лаврова; примеч. Н. А. Богомолова. – М.: Правда, 1990. – С. 19–202.
59. Бекетова М. А. Шахматово. Семейная хроника // Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке / сост. В. П. Енишерлова и С. С. Лесневского; вступ. ст. С. С. Лесневского; послел. А. В. Лаврова; примеч. Н. А. Богомолова. – М.: Правда, 1990. – С. 349–570.

Attitude towards girls in noble families in the 18th – the middle of the 19th centuries

Anna V. Belova

The article is devoted to the attitude of adults towards girls in the families of Russian nobles in the 18th – middle of the 19th centuries as one of the significant problems in modern historiography of the history of everyday life. Based on the study of unpublished archival documents from the personal funds of noble families and published auto-documentary evidence, the author analyzes, correlated with the stages of the life cycle, the main manifestations of emotional reactions and preferences related to the birth of girls, parental care, and taking into account their interests and needs during childhood. The article explores the conjugation of stable collective ideas and separate individual intentions, finds out the factors influencing their transformation during the period under study. Particular attention is paid to the problems of subsequent self-reflection in relation to one's own childhood and parental attitudes recorded in ego-documents, manifestations of a conscious attitude to child education. In conclusion the author claims that the attitude towards girls in noble families was differentiated and contradictory, and could depend both on the individual predilections of adults and on the established power order in the family hierarchy.

Key words: historical ethnology, childhood, family, Russian noblewomen, noble girls.

For citation: Belova, A. V. (2023) Otnoshenie k devochkam v dvoryanskikh sem'yah v XVIII – seredine XIX veka [Attitude towards girls in noble families in the 18th – the middle of the 19th centuries]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 1. Pp. 54–77. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_1_54

References

1. Bessmertnyj YU. L. (1994) Novaya demograficheskaya istoriya [New demographic history] // *Odissey. CHelovek v istorii* [Odysseus. Man in history]. 1994: Kartina mira v narodnom i uchenom soznanii. Moscow: Nauka. Pp. 239–256. (In Russ.)
2. Pushkareva N. L. (1995) Sem'ya, zhenshchina, seksual'naya etika v pravoslavii i katolicizme: perspektivy sravnitel'nogo podhoda [Family, woman, sexual ethics in Orthodoxy and Catholicism: perspectives of a comparative approach] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 3. Pp. 55–70. (In Russ.)
3. Pushkareva N. L. (2005) «Istoriya povsednevnosti» i «Istoriya chastnoj zhizni»: sodержanie i sootnoshenie ponyatiy ["History of everyday life" and "History of private life": content and correlation of concepts] // *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik* [Social history. Yearbook], 2004. Moscow: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN). Pp. 93–112. (In Russ.)
4. Geschichtswissenschaften: Eine Einführung / Hrsg. von Ch. Cornelißen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 2000. (In Germ.)
5. Iggers G. G. (1996) Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert: ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. (In Germ.)
6. Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster: Westfälisches Dampfboot, 1994. (In Germ.)
7. Borscheid P. Alltagsgeschichte – Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit? // Über das Studium der Geschichte / Hrsg. von W. Hardtwig. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1990. – S. 389–407. (In German.)
8. Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags / Hrsg. von H.Ch. Ehalt. – Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1984. (In Germ.)
9. Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikro-Historie: Eine Diskussion / Hrsg. von W. Schulze. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1994. (In Germ.)

10. Corbin A., Farge A., Perrot M. u.a. Geschlecht und Geschichte: Ist eine weibliche Geschichtsschreibung möglich? / Hrsg. von M. Perrot. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1989. (In Germ.)
11. Pushkareva N. L. (2003) ZHenskaya istoriya, gendernaya istoriya: skhodstva, otlichiya, perspektivy [Women's history, gender history: similarities, differences, perspectives] // *Social'naya istoriya. Ezhegodnik* [Social history. Yearbook], 2003. ZHenskaya i gendernaya istoriya / pod red. N. L. Pushkarevoj. Moscow: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN). Pp. 9–44. (In Russ.)
12. Belova A. V. (2007) ZHenskaya dvoryanskaya povsednevnost' v kontekste genderno chuvstvitel'noj social'noj istorii [Female daily occurrence of the nobility in the context of gender social history] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. No. 2. Pp. 5–14. (In Russ.)
13. Belova A. V. (2005) ZHenskaya povsednevnost' kak predmet etnologicheskogo izučeniya [Women's everyday life as a subject of ethnological study] // *VI Kongress etnografov i antropologov Rossii* [VI Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia], Sankt-Peterburg, 28 iyunya – 2 iyulya 2005 g.: Tezisy dokladov / otv. red. YU.K. CHistov. Saint Petersburg: MAE RAN. Pp. 284–285. (In Russ.)
14. Belova A. V. (2005) «Mir zhenskogo detstva» v dvoryanskoj Rossii XVIII – serediny XIX v. kak metodologicheskaya problema istorii povsednevnosti [“The world of women's childhood” in noble Russia of the 18th – the middle of the 19th centuries as a methodological problem of the history of everyday life] // *ZHenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 3/4. Pp. 28–38. (In Russ.)
15. Belova A. V. (2004) Povsednevnyaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki konca XVIII – pervoj poloviny XIX veka kak problema issledovaniya [Everyday life of a Russian provincial noblewoman of the late 18th – the first half of the 19th century as a research problem] // *ZHenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 1/2. Pp. 72–82. (In Russ.)
16. Lipp C. (1994) Alltagskulturfororschung in der empirischen Kulturwissenschaft und Volkskunde // *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster: Westfälisches Dampfboot. S. 78–93. (In Germ.)
17. Davin A. (1994) Frauen und Alltagsgeschichte // *Alltagskultur, Subjektivität und Geschichte: Zur Theorie und Praxis von Alltagsgeschichte* / Hrsg. von Berliner Geschichtswerkstatt. Red.: H. Diekwisch et al. Münster: Westfälisches Dampfboot. S. 37–58. (In Germ.)
18. Bridenthal R., Koonz C. (eds) (1977) *Becoming Visible: Women in European History*. Boston: Houghton Mifflin edition.
19. Perro M. (2003) *Istoriya pod znakom gendera* [History under the sign of gender] // *Social'naya istoriya. Ezhegodnik* [Social history. Yearbook], ZHenskaya i gendernaya istoriya / pod red. N. L. Pushkarevoj. Moscow: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN). Pp. 45–54. (In Russ.)
20. Krips G., Kon I. S., Pushkareva N. L., ZHerebkina I. A., Temkina A. A. (2000) Problemy i perspektivy razvitiya gendernyh issledovanij v byvsšem SSSR: obsuzhdenie temy «Transformiruy akademiyu» [Problems and prospects for the development of gender studies in the former USSR: discussion of the theme “Transforming the Academy”] // *Gendernye issledovaniya* [Gender studies]. No. 5. Pp. 8–43. (In Russ.)
21. Lauretis T. de. (2000) Ritorika nasiliya. Rassmotrenie reprezentacii i gendera [Consideration of Representation and Gender] // *Antologiya gendernoj teorii* [Anthology of Gender Theory]. sb. per. / sost. i komment. E. I. Gapovoj i A. R. Usmanovoj. Minsk: PROPILEI. Pp. 347–372. (In Russ.)
22. Kern A. P. (1987) Iz vospominanij o moem detstve [From memories of my childhood] // Kern (Markova-Vinogradskaya) A. P. *Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin] / sost., vstup. st. i primech. A. M. Gordina. Moscow: Sov. Rossiya. Pp. 338–372. (In Russ.)
23. Smirnyaya E.-A. V. (1883) Danila YAKovlevich Zemskoj. Odin iz ptencov Petra Velikogo [Danila Yakovlevich Zemskoy. One of the chicks of Peter the Great] / Soobshch. P. V. Lobanov // *Russkaya starina* [Russian antiquity]. T. 40. No. 10. Pp. 67–78. (In Russ.)
24. Rzhetskaya G. I. (2001) Pamyatnye zapiski [Memoirs] // *Institutki: Vospominaniya vospitannic institutov blagorodnyh devic* [Institute girls: Memoirs of pupils of institutes of noble maidens] / sost., podg. teksta i komment. V. M. Bokovoj i L. G. Saharovoj, vstup. stat'ya A. F. Belousova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 33–66. (In Russ.)
25. Dostoevskaya A. G. (2002) Vospominaniya [Memories]. Moscow: Zaharov. (In Russ.)
26. Dolgorukova N. B. (1990) Svoeruchnye zapiski [Handwritten notes] // *Zapiski i vospominaniya russkikh zhenshchin XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [Notes and memoirs of Russian women of the 18th – the first half of the 19th centuries] / sost., avtor vstup. st. i komment. G. N. Moiseeva. Moscow: Sovremennik. Pp. 41–66. (In Russ.)
27. Moiseeva G. N. (1990) Kommentarii [Comments] // *Zapiski i vospominaniya russkikh zhenshchin XVIII – pervoj poloviny XIX veka* [Notes and memoirs of Russian women of the 18th – the first half of the 19th centuries] / sost., avtor vstup. st. i komment. G. N. Moiseeva. Moscow: Sovremennik. Pp. 450–454. (In Russ.)
28. Pushkareva N. L. (ed.) (1999) «A se grekhi zlye, smertnye...»: Lyubov', erotika i seksual'naya etika v doindustrial'noj Rossii (X – pervaya polovina XIX v.) [“And these sins are evil, mortal...”: Love, erotica and sexual ethics in pre-industrial Russia (X – the first half of the 19th century)] / sb. st. Moscow: Ladomir. (In Russ.)
29. Pis'mo V. A. ZHukovskogo k A. P. Zontag ot 5 marta 1824 g. [Letter from V. A. Zhukovsky to A. P. Sontag dated March 5, 1824] // *Pravitel'stvennyj Vestnik* [Government Bulletin]. 1904. Otdel'nyj otisk iz № 100: Grot K. V. A. ZHukovskij i A. P. Zontag. (K sorokoletiyu so dnya smerti A. P. Zontag 19-go marta 1864 goda). No. 8. P. 12. (In Russ.)

30. Kunin V. V. (ed.) (1986) Pis'mo P. V. Nashchokina k A. S. Pushkinu ot konca aprelya 1834 g. [Letter from P. V. Nashchokin to A. S. Pushkin dated the end of April 1834] // *Druz'ya Pushkina: Perepiska; Vospominaniya; Dnevnik* [Pushkin's Friends: Correspondence; Memories; diaries]; v 2 t. Moscow: Pravda. Vol. II. Pp. 347. (In Russ.)
31. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1407. Op. 1. D. 44. (In Russ.)
32. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1016. Op. 1. D. 39. (In Russ.)
33. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1016. Op. 1. D. 45. (In Russ.)
34. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1016. Op. 1. D. 93. (In Russ.)
35. Aksakov S. T. (1982) Semejnaya hronika [Family chronicle] // Aksakov S.T. *Semejnaya hronika; Detskie gody Bagrova-vnuka* [Family Chronicle; Childhood years of Bagrov-grandson] / Predisl. i primech. S. Mashinskogo. Moscow: Hudozh. lit. Pp. 24–222. (In Russ.)
36. Bok M. P. (1992) P. A. Stolypin: *Vospominaniya o moem otce* [P. A. Stolypin: Memories of my father]. Moscow: Sovremennik. Pp. 3–220. (In Russ.)
37. Kern A. P. (1987) Dnevnik dlya odnochnoveniya [Diary for relaxation] / Per. s fr. A. L. Andres // *Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin] / sost., vstup. st. i primech. A. M. Gordina. Moscow: Sov. Rossiya. Pp. 167–337. (In Russ.)
38. Vul'f A. N. (1999) Dnevnik 1827–1842 [Diary 1827–1842] // *Lyubovnye pohozhdeniya i voennye pohody A. N. Vul'fa. Dnevnik 1827–1842 godov* [Love affairs and military campaigns of A. N. Wulf. Diary 1827–1842] / sost. E. N. Stroganova, M. V. Stroganov. Tver': Izdatel'skij Dom «Vsyä Tver'». Pp. 19–235. (In Russ.)
39. Otdel hraneniya dokumentov do 1917 goda Gosudarstvennogo byudzhethnogo uchrezhdeniya goroda Moskvy «Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy» [Department for the storage of documents until 1917 of the State Budgetary Institution of the City of Moscow "Central State Archive of the City of Moscow"] (OHD do 1917 g. CGA Moskvy). F. 1870. Op. 1. D. 3. (In Russ.)
40. Slonimskaya L. (ed.) (1993) Pis'mo N. O. Pushkinoj k O. S. Pavlishchevoj ot 8 maya 1833 g. [Letter from N. O. Pushkina to O. S. Pavlishcheva dated May 8, 1833] // «*Mir Pushkina*» ["The World of Pushkin"]. Vol. 1: Pis'ma Sergeya Lvovicha i Nadezhdy Osipovny Pushkinyh k ih docheri Ol'ge Sergeevne Pavlishchevoj 1828–1835. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskij fond». No. 55. Pp. 150–152. (In Russ.)
41. Panaeva (Golovacheva) A. YA. (1972) *Vospominaniya* [Memories] // Panaeva (Golovacheva) A. YA. *Vospominaniya* [Memories] / pod obshch. red.: V. V. Grigorenko, S. A. Makashina, S. I. Mashinskogo, V. N. Orlova; Vstup. st. k. CHukovskogo; prim. G. V. Krasnova i N. M. Fortunatova. Moscow: Hud. lit. Pp. 19–388. (In Russ.)
42. Kern A. P. (1987) *Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin] // Kern (Markova-Vinogradskaya) A. P. *Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin] / sost., vstup. st. i primech. A. M. Gordina. Moscow: Sov. Rossiya. Pp. 33–62. (In Russ.)
43. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 103. Op. 1. D. 2619. (In Russ.)
44. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1403. Op. 1. D. 9. (In Russ.)
45. Kovalevskaya S. V. (1974) *Vospominaniya detstva* [Childhood memories] // Kovalevskaya S. V. *Vospominaniya. Povesti* [Memories. Tale] / otv. red. P. YA. Kochina. Moscow: Nauka. Pp. 9–89. (In Russ.)
46. Istorija rodov russkogo dvoryanstva [The history of the genera of the Russian nobility]; v 2 kn. / Sost. P. N. Petrov. Moscow: Sovremennik: Leksika. Kn. 2. 1991. (In Russ.)
47. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1063. Op. 1. D. 137. (In Russ.)
48. Gosudarstvennyj arhiv Tverskoj oblasti [State Archive of the Tver Region] (GATO). F. 1063. Op. 1. D. 32. (In Russ.)
49. Durova N. A. (1988) Kaval'erist-devica. Proisshestvie v Rossii [Cavalry girl. Incident in Russia] // Durova N. A. *Izbrannye sochineniya kavalerist-devicy* [Selected writings of a cavalry girl] / sost., vstup. st. i primech. V. B. Murav'eva. Moscow: Mosk. rabochij. Pp. 25–255. (In Russ.)
50. Labzina A. E. (1996) *Vospominaniya. Opisaniye zhizni odnoj blagorodnoj zhenshchiny* [Memories. Description of the life of a noble woman] // *Istoriya zhizni blagorodnoj zhenshchiny* [Life story of a noble woman] / sost., vstup. st., primech. V. M. Bokovoj. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 13–88. (In Russ.)
51. Gordin A. M. (ed.) (1987) Pis'mo A. P. Kern k P. V. Annenkovu ot aprelya – maya 1859 g. [Letter from A. P. Kern to P. V. Annenkov dated April – May 1859] // *Kern (Markova-Vinogradskaya) A. P. Vospominaniya o Pushkine* [Memories of Pushkin]. Moscow: Sov. Rossiya. Pp. 146–156. (In Russ.)
52. Semenov-Tyan-SHanskij P. P. (1990) *Detstvo i yunost'* [Childhood and youth] // *Russkie memuary. Izbrannye stranicy. (1826–1856)* [Russian memoirs. Featured Pages. (1826–1856)] / sost., vstup. st., biogr. ocherki i primech. I. I. Podol'skoj. Moscow: Pravda. Pp. 411–513. (In Russ.)
53. SHCHepkina A. V. (1990) *Vospominaniya* [Memories] // *Russkie memuary. Izbrannye stranicy. (1826–1856)* [Russian memoirs. Featured Pages. (1826–1856)] / sost., vstup. st., biogr. ocherki i prim. I. I. Podol'skoj. Moscow: Pravda. Pp. 383–395. (In Russ.)

54. Cebrikova M. K. (2006) *Russkie zhenshchiny-pisatel'nicy* [Russian women writers] / Publikaciya E. Stroganovoj // *ZHenskij vyzov: russkie pisatel'nicy XIX – nachala XX veka* [Women's challenge: Russian writers of the 19th – the early 20th centuries] / pod red. E. Stroganovoj i E. SHore. Tver': Liliya Print. Pp. 261–307. (In Russ.)
55. Sveshnikova E. P. (2007) *O detyah i vzroslyh: Stat'i. Rasskazy. Bibliografiya* [About children and adults: Articles. Stories. Bibliography] / nauch. red. E. N. Stroganova; izd. podgot. E. N. Stroganovoj, T. A. Il'inoj, N. V. Ostrejkovskoj. Tver': Liliya Print. (In Russ.)
56. Kern (Markova-Vinogradskaya) A. P. (1989) *Vospominaniya. Dnevniki. Perepiska* [Memories. Diaries. Correspondence] / sost., vstup. st. i prim. A. M. Gordina. Moscow: Pravda. (In Russ.)
57. Najti rebenka vnutri sebya [Find the child inside you] // *Psychologies* [Psychology]. No. 11. 2006. Pp. 118–144. (In Russ.)
58. Beketova M. A. (1990) *Aleksandr Blok. Biograficheskij ocherk* [Alexander Blok. Biographical sketch] // *Beketova M. A. Vospominaniya ob Aleksandre Bloke* [Memories of Alexander Blok] / sost. V. P. Enisherlova i S. S. Lesnevskogo; Vstup. st. S. S. Lesnevskogo; Poslesl. A. V. Lavrova; Primech. N. A. Bogomolova. Moscow: Pravda. Pp. 19–202. (In Russ.)
59. Beketova, M. A. (1990) *SHahmatovo. Semejnaya hronika* [Chess. Family chronicle] // *Beketova M. A. Vospominaniya ob Aleksandre Bloke* [Memories of Alexander Blok] / sost. V. P. Enisherlova i S. S. Lesnevskogo; Vstup. st. S. S. Lesnevskogo; Poslesl. A. V. Lavrova; Primech. N. A. Bogomolova. Moscow: Pravda. Pp. 349–570. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.11.2022
Одобрена после рецензирования 14.12.2022
Принята к публикации 14.01.2023